в сытость напитавшеся, всем бо не оскудно даяния простирашеся не точию ближним своим и сыновом руским, но и странным далним и иноплеменным аки море даяния и езеро пития разливашеся всюду, яко камения и древа и нивы вся дарми его упокоишася, и тако убо цветяся аки финик листвием добродетели. Аще бы не терние завистныя злобы цвет добродетели того помрачи, то могл бы убо всяко древьним уподобитися царем, иже во всячественем благочестии цветущим. Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприязньственаго злокозньствия врага, понеже сей перстною плотию недуговаше, зело возлюби, и к себе вся приправливая, и аки ужем привлачаше".[1]

Из тех же противоречивых черт соткана и характеристика патриарха Гермогена. Признавая, что Гермоген был „словесен муж и хитроречив", составитель второй редакции Хронографа тут же добавляет „но не сладкогласен", и дальше: „а нравом груб и бывающим в запрещениях косен к разрешениям, к злым же и благим не быстро распрозрителен, но ко лстивым паче и лукавым прилежа и слуховерствователен бысть".[2]

Соткана из противоположных качеств в Хронографе и характеристика Ивана Заруцкого: „не храбр, но сердцем лют и нравом лукав".[3] Достаточно сложна характеристика Козмы Минина: „аще и не искусен стремлением, но смел дерзновением",[4] и т. д.

Вслед за автором второй редакции Хронографа эту противоположность, контрастность человеческого характера подчеркивают и другие авторы исторических сочинений первой половины XVII в.

„Этикетность" прежних летописных характеристик по немногим рубрикам (либо законченный злодей, либо герой добродетели) исчезает в произведениях начала XVII в. Прямолинейность предшествующих характеристик отброшена, — и с какою решительностью! Вслед за второй редакцией Хронографа наиболее резко сказывается новый тип характеристик во „Временнике" Ивана Тимофеева. Характеристика Грозного составлена Иваном Тимофеевым из риторической похвалы ему и самого страстного осуждения его „пламенного гнева". Все люди причастны греху: „сице и сему (т. е. Грозному) осрамившуся грехом, ему же причастни вси".[5] Тимофеев дает разностороннюю и очень сложную характеристику Борису Годунову и утверждает, что обязан говорить и о злых и о добрых его делах: „и яже злоба о Борисе извещана бе, должно есть и благодеяний его к мирови не утаити".[6]

Тимофеев как бы считает себя обязанным писать о добродетелях Годунова, поскольку он писал и о его „злотворных": „Елика убо зло-

---

[1] Там же, стр. 189.
[2] Там же, стр. 201.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 202.
[5] Русская историческая библиотека, т XIII, стр. 278.
[6] Там же, стр. 339.